

КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО

Под культуртрегерством исследователя в данном случае понимается декларированная необходимость быть проводником новой социалистической политики государства, участвовать в осуществлении мероприятий советской власти. Это требование, несомненно, вступало в противоречие с задачей «объективного» отражения действительности, а также многократно усиливало возмущающее свойство наблюдателя в поле. Но для выполнения задач культурной революции на Севере советская власть с необходимостью ставила в центр исследовательских принципов идею выполнения прикладных задач [Чистов 1983: 4; Schweitzer 2001: 181–183].

В соответствии с неперенными принципами «социального миссионерства», в том виде, как оно понималось в российской этнографии первой половины XX в., В.Г. Кузнецова чувствовала себя культуртрегером, просветителем, считала своим неперенным долгом вести беседы, напоминавшие политинформацию.

17 ноября 1949 г. <...> Старик Таегырдын ночует у нас. Ко мне хорошо относится. Вечером разговаривали о междунар[одных] делах, об Америке, Отечественной войне, о Совет[ском] Союзе. Если б всегда была такая человеческая обстановка, можно было бы жить у чукчей [Кузнецова 1948–1951: 341].

6 ноября 1950 г. <...> Вечером сказала Тымн[энэнты]ну о завтрашнем большом дне — 7 ноября [Кузнецова 1948–1951: 364].

Проведения такого рода бесед с представителями местного населения, похоже, считалось нормой полевой работы, возможно, существовали и некие директивы на этот счет. В полевом дневнике Г.Н. Прокофьева¹, отрывки из которого опубликовала Н.И. Гаген-Торн, находим того же рода запись: «7 ноября. <...> Вечером устроили беседу. Созвали яновостанских жителей и в нескольких словах пояснили им сущность сегодняшнего дня. <...> Я рассказал о ходе революции в Ленинграде, о ее значении, в частности, для севера [Гаген-Торн 1992: 96].

Показательны в этом отношении печальные события, связанные с решением Тымнэнэнтына принять добровольную смерть. Разумеется, в этом случае практически невозможно было бы сохранить нейтралитет любому исследователю. Удивляет не сама по себе позиция Варвары Григорьевны, а скорее те оторванные от действительности «лозунги», которыми она аргументировала свою позицию.

27 апреля 1951 г. Из стойб[ища] Номгыргына, от нас находящегося км в 10, приехали на упряжках Тымнелкот, Номгыргын с женой Элмырультыной, Хромой Тынагыргын. Еще до их приезда сидящие в пологе Чевуна и Эттыкутгевыт шепотом разговаривали о том, что нужно им подготовить для сегодняшнего покойника, пока еще живого

1 Григорий Николаевич Прокофьев, выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета, ученик Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. В 1925 году Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК был направлен для изучения кетов и селькупов в Тазовскую тундру, где он в течение трех лет работал заведующим и одновременно учителем в школе-интернате Янова Стана.

Тымненентына. На глазах Эттыкутгевыт наворачивались слезы, Чевуна сидела с печальным лицом, еще более темными, чем обычно, глазами. У них не было сомнения, что больной будет задушен — ведь второй раз он высказал просьбу об удушении его. Находясь в яранге Чейвуны вдвоем с Тынены, во время моих слез Тынены сказала мне, что старик должен умереть. Выздоровеет, — сказала я. — Чамам, — ответила Тынены. Пенас, работавшая у костра в чоттагене яранги Тымненентына, тоже смахивала слезы с глаз. Больной из полога поздоровался с прибывшими гекенелыт. Все вошли к нам в полог. В пологе находились больной Тымненентын, его жена Эттыкутгевыт, Чейвына, Элмырультына, Номгыргын, Тынагыргын, Тымнелкот, я, затем вошел Анкай. <...> За чаем заговорил Номгыргын: «Как нам поступить? Мы оказались в таком положении, что, с одной стороны, нельзя не уважить твоей просьбы об удушении, с другой стороны, мы живем теперь в новое время, и наши прежние законы и порядки, установленные нашими предками, устарели. Да и не одни мы теперь, среди нас находятся лилепылит (я, Анкой, Кергынькоу), к[ото]рые сообщат своим, русским, о нашем поступке. Что скажет россиварат, установивший новую жизнь? Конечно, по старым нашим законам мы уважили бы твою просьбу и даже спешили бы, чтоб тебе не мучиться». — И у русских прежде действовал такой же старый закон, как и у нас, — заговорил Тымненентын. В разговор вступила я: У нас не было такого закона. Все мы, русские, и вы, чукчи, живем в новое, советское время. Больных у нас лечат, исцеляют, а не удушают. Наши врачи делают чудеса, излечивают от болезней и самых мучительных. Хотя и в отдалении находимся мы сейчас от русских поселков, но можно вызвать, привезти сюда врача из пос[елка]Амгуэма, а если твое излечение потребует, то тебя могут на самолете направить к крупным специалистам. Ты председатель колхоза «Тундровик», ты один из первых кочевников Амгуэмского с/с вступил в колхоз, и твоя жизнь, твое выздоровление нужно для дальнейшего подъема колхоза. Если тебя удушат, не только все твои родственники и люди стойб[ища] Номгыргына, но и мы с ними будем в ответе перед советскими законами, — сказал Анкай.

Наступило молчание, старик стонал. <...> — Ох, большое количество нас находится здесь в пологе, своим присутствием лишь увеличиваем твои страдания, а ничем не помогаем. Как же быть? В прежние времена мы бы уже исполнили то, о чем ты просишь, а сейчас мы не можем. Что же поделаешь. <...> Вскоре Номгыргын вернулся. Я сидела в чоттагене у полога. Он подсел ко мне, тихо заговорил: Исполним волю больного, удушим его? — спросил он меня. — Нельзя, нельзя этого делать, — также тихо ответила я. «Вы слышали, что говорил Каглё в прошлый раз, в первое требование больного об удушении его. Советский период нашей жизни, советские законы не позволяют нам убивать больных. Больных лечат наши врачи, восстанавливают здоровье, и человек вновь становится полезным для общества». — Тогда мы едем домой. Я спросил тебя еще один раз, и больше об этом не будем говорить, — ответил Номгыргын. Обойдя вокруг очага, он подошел к больному, высунувшему голову из полога, подсел около него на корточках, заговорил: Жалко тебя, мучаешься ты, но что же поделаешь, мы не можем исполнить твою просьбу. Были бы мы одни, да в иное — старое, время, не оттягивая, просьба твоя была бы исполнена. Спешили бы мы даже в исполнении твоего желания, чтоб не страдать тебе. Раз нельзя этого сделать, то мы едем домой [Кузнецова 1948–1951: 403].

И вот эта склонность к отчетливому публичному проявлению своей общественной позиции весьма характерна. Едва оказавшись в тундре, в стойбище Тымнэнэнтына, В.Г. Кузнецова демонстрирует свою готовность соответствовать принятой на себя высокой миссии. В дневнике сохранились наброски телеграмм, которые она собиралась в октябре 1948 г. послать (и, вероятно, послала) из поселка Амгуэма в бухту Лаврентия (административный центр Чукотского района в те годы), в райком партии:

«Колхозе Тымнэнэнтына начата работа по организации комсомольской ячейки составе восьми человек. Срочно телеграфируйте указания адресу Залив Креста поселок Амгуэма. Молодежь желает обучаться грамоте, проводятся

*индивидуальные занятия обучения грамоте Стойбище
Номгыргына вероятно войдет колхоз*

Хозяин агитатор организации колхозов

Нахожусь стойбище Тымнэнэнтына реке Кайэнгыргын

*Сообщите также возможность оформления меня ра-
ботником*

Намерена пробыть Амгуэмской тундре два года

Приветом Кузнецова» [Кузнецова 1948–1951: 334].

Каким образом В.Г. Кузнецова вела работу по организации комсомольской ячейки, представить себе трудно. В это же самое время она сетует на проблемы с чукотским языком, на свою полную «безъязыкость» и «немоту» как минимум вплоть до самого конца 1948 г. И в целом эти телеграммы выглядят чистым фарсом на фоне реальности, о которой повествует дневник.

В.Г. Кузнецова работала в уникальном этнографическом поле. Читатель ее полевых дневников не раз поймает себя на мысли, что фиксируемый ею в 1948–1951 гг. быт чукотского стойбища мало чем отличается от классических описаний культуры чукчей, сделанных в конце XIX — начале XX в., например, Н.Л. Гондатти или В.Г. Богоразом. Тем не менее необходимо отдавать себе отчет в том, что борьба с неграмотностью, коллективизация и другие социалистические преобразования на Чукотке в это время имели место быть, хотя встречающиеся в дневниках слова «ликизба», «веттехник», «налогообложение», «колхоз», знаковые для официальной истории Чукотки 1948–1951 гг., звучат в фиксируемом культурно-бытовом контексте диссонансом.

Новые формы государственного и общественного управления на Чукотке в дневниках В.Г. Кузнецовой отражены фактом частого упоминания «Тнарэнтгыргына (депутата)». Вероятно, Тнарэнтгыргын был депутатом районного совета. С ним В.Г. Кузнецова познакомилась на Ванкаремской ярмарке и периодически встречалась с ним на протяжении всего пребывания на Чукотке, а иногда и гостила в его яранге. Может быть, именно по причине своего общественного статуса он поначалу казался В.Г. Кузнецовой человеком более ответственным по отношению к ней и ее научной миссии, чем Тымнэнэнтын.

Довольно скоро эта иллюзия рассеялась. Функционирует в дневниках Кузнецовой депутат Тнарэнтгыргын исключительно в бытовом контексте. Упоминается также, что 5 января 1949 г. в стойбище Тымнэнэнтына при участии «бригады района» голосованием выбрали судей и народных заседателей.

Что касается процесса ликвидации неграмотности, то он в дневниках отражен периодическим появлением в стойбище Тымнэнэнтына или в соседних стойбищах учителя Айнэвтэгына, а также занимавшегося ликбезом взрослых культурмейца Начуго. Записей, зафиксировавших процесс занятий с учащимися не много.

18 января 1949 г. 1-й день занятий Айнэвтэгына с детьми. Занимались в маленьком пологе в яранге Тымн[енэнтына] 4: Таеквун, Кэун'экай, Тымнэны, Омрыятгыргын [Кузнецова 1948–1951: 336].

20 января 1949 г. «Уакай и Омрытвал в большом пологе шьют мне кэркэр. Омруакотгаут заболела (понос, голова), вместе с ней выбивали маленький полог. Айнэвтэгын ездил за хворостом, занимался с детьми вечером» [Кузнецова 1948–1951: 336].

29 января 1949 г. Полог не выбивали, в большом пологе занимались дети. [Кузнецова 1948–1951: 336].

21 февраля 1951 г. (24) <...> Начуги в полог вошел с портфелем, достал тетради, букварь, задачник. Трое из стойб[ища] Гемын занимаются у него — Гемачайвуна, Кергына и Эттын'экай. Дал задание по арифметике. В тетрадях девочек последнее задание было от 30 января 1951. Прошел почти месяц, как ученики и учитель почивали, и видимо лишь известие о приезде контроля из Рыркайпня подхлестнуло учителя [Кузнецова 1948–1951: 371].

Только к самому концу экспедиции в вопросах обучения детей произошли серьезные перемены. Кочевые школы и разъездные учителя прекращали свое существование, обучение должно было осуществляться на базе интернатов.

29 июля 1951 г. <...> 28 июля перед отъездом Лейвыкумен провел собрание в яранге М[айны]кооквургына. М[айны]

кооквургын вступил в Ванкаремский колхоз. Второй вопрос — дети тундровиков-кочевников с осени 1951 г. будут учиться в Ванкаремской школе и жить в интернате в Ванкареме [Кузнецова 1948–1951: 399].

С колхозным строительством дело обстояло гораздо более серьезно. По официальным данным считалось, что коллективизация на Чукотке на 1 января 1949 г. была в основном завершена [Очерки истории Чукотки 1974: 280]. Как же на самом деле обстояли дела в Амгуэмской тундре?

Основной единицей традиционной социальной организации оленных чукчей было стойбище — временное или длительное объединение нескольких семей, как правило, связанных узами родства или свойства. Именно такой характер и носило стойбище, хозяином (главой) которого был Тымнэнэнтын. Два брата Тымнэнэнтына (Тымнэлкот и Номгыргын) были относительно независимыми, они кочевали то вместе, живя одним стойбищем, то разделяли стада и кочевали отдельно. В процессе колхозного строительства стойбища и группы соседних стойбищ были использованы в качестве отдельных административных единиц, первоначально в определенной степени номинально объединенных в отдельные бригады и в колхоз в целом.

Как уже говорилось, Тымнэнэнтын к моменту появления в его стойбище В.Г. Кузнецовой был уже не просто колхозником, но и председателем единственного в Амгуэмской тундре колхоза «Тундровик».

Несмотря на то что стойбища Тымнэнэнтына и Номгыргына большую часть времени кочевали одним маршрутом, в 1948 г. Номгыргын в колхоз еще не вступил. Правда, надежды на это были, и полная энтузиазма В.Г. Кузнецова телеграфировала, что «стойбище Номгыргына, вероятно, войдет колхоз». Это действительно произошло в самом начале 1949 г. Теперь стойбище Тымнэнэнтына представляло собой одну бригаду колхоза (Тымнэнэнтын — председатель колхоза и одновременно бригадир), стойбище Номгыргына — вторую бригаду колхоза (Номгыргын — заместитель председателя колхоза и бригадир).

Дневниковые записи ярко и реалистично рисуют картины колхозного строительства в тундре. В январе 1949 г. в стойбище Тымнэнэнтына из Ванкарема на пяти собачьих упряжках при-

была «бригада района»: Василий Пахомович Злобин, Дмитрий Иванович Емельянов и Василий Петрович Бурдиленко с пятью чукчами-каюрами, проводником Пэнэтэгыном и проводником и продавцом Пылё. Программа визита была насыщенной. Была проведена беседа на чукотском языке о советском государстве и Великой Отечественной войне. Обитатели стойбища с помощью Емельянова проработали устав колхоза на чук[отском] языке, голосованием выбрали судей и народных заседателей. Бурдиленко опросным путем провел перепись населения, скота, построек, имущества у Тымнэнэнтына, Тымнэлкота, Номгыргына, Кэргуги, Кааквургына.

Проделав, вероятно, ту же работу в других стойбищах, бригада вернулась в стойбище Тымнэнэнтына и приступила к практическим действиям — оформлению и взиманию налога.

23 и 24 января 1949 г. <...> Мэмыл взял деньги у Бурдиленко, выдал Тымнэнэнтыну 7.000 р. за 28 оленей и 900 р. за купленные у него волчьи шкуры, взял обратно выданные ему деньги и передал снова Бурдиленко. С Тымнэнэнтына налогу 8.400 р. У Тымн[енэнты]на на руках осталось денег руб[лей] 200–250. С Ятгыргына налогу — 220 р. <...> Перед Тымнэнэнтыном лежала шпаргалка его подписи печатными буквами, глядя на нее, он выводил каракули на квитанции (налоговой). [Кузнецова 1948–1951: 336].

Утвердили зарплату председателя колхоза — 600 руб., счетовода — 300 руб. в год. Кто выполнял обязанности счетовода в колхозе Тымнэнэнтына, мне не известно, в дневниках это нигде не оговаривается. Оформили прием в колхоз двух новых членов, голосовали за прием поднятием рук. Вотгыргын и Кааквургокай отказались пока вступать в колхоз. В трех стойбищах, кроме того, бригада закупила много шкур, рассчитываясь привезенными товарами.

Затем колхозников стали принуждать выделить оленей в «колхозное стадо». Очевидно, прежде этого колхозного стада не существовало. Тымнэнэнтын вначале в колхоз выделил 20 оленей, после разговора с Анкауги и Мэмылем еще 80, всего он один выделил 100 оленей, Номгыргын — 50 и 20 оленей все остальные. Таким образом, колхозное стадо составило 170 оле-

ней. Бригадиром избрали Тымнэлкота. Эти обобщественные колхозные олени, похоже, существовали лишь номинально, на бумаге, как и назначенные «бригады». Чукчи продолжали считать колхозные стада своими личными, бригадирами становились бывшие владельцы стад. И весь уклад жизни оставался таким, каким был сотню лет до этого.

Требование Бурдиленко весной перед отелом реально выделить колхозное стадо в 170 голов¹ и держать его в одном стойбище (а значит и выделить отдельное пастбище и отдельных пастухов для выпаса) и поставить особые метки (на обычном месте, на ушах) вызвало пассивное сопротивление.

23 и 24 января 1949 г. <...> Тымн[енэнты]н ответил, что они не знают оленей Номгыргына и трудно будет их беречь [Кузнецова 1948–1951: 336].

Партийные и государственные органы Чукотки были весьма озабочены ситуацией с колхозным строительством во внутренних районах Чукотки. Коллективизацию требовалось завершить не «в основном», а целиком и полностью. Между тем «Тундровик» Тымнэнэнтына продолжал и в 1950 г. оставаться единственным колхозом в Амгуэмской тундре.

Доходчивым доводом агитации за вступление в колхоз была система налогообложения, предусматривавшая льготы для колхозников. Так, с Номгыргына как единоличника «требовали за налог 60 оленей. После вступления его в колхоз (уговаривали 5 суток) — 30 голов оленей на налог, как с колхозника» [Кузнецова 1948–1951: 360]. Кроме того, колхозники имели существенное преимущество в снабжении товарами.

Летом 1950 г. в стойбищах Амгуэмской тундры работал отряд Анадырской комплексной землеустроительной экспедиции Министерства сельского хозяйства. Возглавлял отряд Александр Федорович Деко. Результатом работы экспедиции стало выделение пастбищных территорий колхоза «Тундровик». После беседы с Номгыргыном остановились на территории по рекам Кайэнгыргын, Майнэнгыргын, Экитыки, Вулвувээм,

1 Оптимальное количество оленей в стаде 1500–1800 голов [Архинчеев 1957: 51]. С таким стадом управлялось среднее стойбище в две-три семьи, 10–15 чел.

Иргун'эй. Для отела также Старая перевальная, р. Тэлекай, р. Тиркын'эйвээм. Для позднеосенних кормов — р. Маравоам.

В октябре 1950 г. Ванкарэмский колхоз принял решение объединить стадо колхоза, выпасаемое в Амгуэмской тундре у Кэргуги, Гиункэу, Тымнэпкэра и Тымнеята. Кэргуги назначили бригадиром. Все перечисленные — Кэргуги, Гиункэу, Тымнэпкир, Тымнэят — члены Ванкарэмского колхоза, вступившие летом 1948 (или 1947 г.). Все эти яранги должны были объединиться и кочевать вместе. 9 октября 1950 г. В.Г. Кузнецова и Анкауги отправились к Кэргуги. Кэргуги заявил, что с наступлением пути он будет кочевать вместе с Кааквургокаем (который в 1949 г. отказался вступить в колхоз) в Кунтык'ыл, туда же, по видимому, будет кочевать Гиункэу, затем он надеется соединиться с остальными членами бригады. На вопрос: «Сколько ты обобщ[ествил] оленей при вступлении в колхоз?», Кэргуги ответил: «Не помню, забыл» [Кузнецова 1948–1951: 361].

В 1951 г. с этой вольницей начали разбираться, используя самые серьезные меры воздействия. Как именно действовали, со знанием дела повествует старший уполномоченный окружного отдела МГБ СССР Б.М. Андронов. Для проведения работы среди единоличников и кулаков в апреле 1951 г. отбыла на самолете группа во главе с К.П. Молдовановым, старшим оперуполномоченным Чукотского отдела МГБ. Этой группе не составило особого труда найти большую группу кочевников, располагавшихся недалеко от Дальстроевского населенного пункта «87 километр». Кулак Нотанват, приглашенный для беседы в поселок, был предупрежден, чтобы без разрешения руководителя бригады никуда не уходил. «Видимо, испугавшись запрета и зная свои “грехи” перед советской властью, он смалодушничал и покончил жизнь самоубийством — удавился на шнурке из брюк» [Андронов 2008: 106]. Из стад Нотанвата был организован колхоз «Полярник». Нотанват не раз упоминается в дневниках, обычно в нейтральном контексте соседских отношений, так же как и другой известный «кулак» Алёль. В.Г. Кузнецова жила некоторое время в его стойбище, часто гостевала у брата Алёля Кэргуги.

Обстановка в тундре в связи с ударным колхозным строительством была отнюдь не простой. В.Г. Кузнецова принимала деятельное участие во всех мероприятиях советской власти: уточняла и фиксировала поголовье стада Тымнэнэнтына —

Номгыргына, участвовала в компаниях по налогообложению, составляла акты на тех, кто отказывался платить, агитировала чукчей вступить в колхоз, принимала заявления от тех, кто соглашался, наставляла на путь истинный уклонистов, собирала сведения об отношении того или иного кочевника к коллективизации, передавала «властям» данные о дислокации и движении стойбищ и т.д.

8 октября 1950 г. <...> Мы с Анкауги пошли к М[айны] кааквургыну. В чоттагынэ были он с женой, ребенок спал в ягвоццын. Хозяин брился безопасной бритвой, перед ним стояло зеркало. Рядом саквояж дерев[янный] замещал стол. Хозяйка кипятила чай. К чаю — рорат (колбаса). Хозяйка кушала свежесваренную рыбу. Хозяин отказался от еды. После чая началась беседа с М[айны]кааквургыным о коллективизации. Около трех часов длился разговор — уговоры, доводы и доказательства о необходимости вступления в колхоз. Результат отрицательный, М[айны]кааквургын отказался вступить в колхоз, сказав «когда все, тогда и я». [Кузнецова 1948–1951: 360].

29 апреля 1951 г. Вчера вечером (28 апр[еля]) Пенас пришла от Чейвуны, все мы были уже в пологе, принесла весть, полученную мальчиком Таеквыном, пришедшим от Номгыргына: К Номгыргыну приехал Клеумлилет, брат Оотыны (жены Номгыргына), возвратившийся из Б[ольшого] Телека. Из Анадыря и Мухоморной приехали из Б[ольшого] Телека 20 собачьих упряжек, арестовали Алёля, большую часть стада Алёля забрали и угнали, оставив часть стада. Брат Эунылкута — Эйнетеген — убит. После этого известия в пологе наступило молчание. Пенас полулегла головой к жирнику, облокотясь на руку, задумалась. Тымн[энэнты]н, выслушав это известие, подал реплику: Какомэ. Через некот[орое] время заговорил Тынагыргы:- Алёль был хороший и добрый для всех кочевников, особенно бедняков. Без всякой платы забивал оленей на пищу во все ближайшие бедняцкие стойбища. В разговор вступила я, рассказала о необходимости коллективизации амгуэмских, вернее [больше] телекских индив[идуальных] хозяйств, единственных, еще не охваченных колхозами [Кузнецова 1948–1951: 403].

23 апреля 1951 г. <...> В чоттагене у Чейвыны Каглё рассказывал о поездке Тынеуга в Б[лдьшой]Телек с целью коллективизации. Ныкват ведет антисоветскую агитацию против коллективизации. «Колхозам будет скоро конец, американцы начнут войну с русскими, придут сюда, и замрут колхозы. И учитель Эйневтегын говорил, что колхозы талпын'н'оэ скоро прекратят свое существование. Чукчи-колхозники, пойманные русскими, подобны заключенным, мы, единоличники, вольные люди, еще не пойманные русскими, пусть хотя мы останемся вольными. Учитель Эйневтегын осенью с морского берега укочевал в тундру, в Б[лдьшой] с Увалем и до апреля 51 г. не появлялся на Амгуэме, находясь в глубине тундры [Кузнецова 1948-1951: 403].

Здесь упоминается тот самый учитель Айнэвтэгын, который был помощником В.Г. Кузнецовой в начале экспедиции и проявил себя в этом качестве не лучшим образом. Становится понятно, почему между ними отношения не сложились. И далее В.Г. Кузнецова уличает Айнэвтэгына в искажении важной информации, которая передается в соответствующие органы.

23 апреля 1951 г. Эйневтегын при встрече со мной сказал, что Ныкват изменился, стал хорошо относиться к русским. Не говорил ли тогда и в эту зиму Эйневтегын с Ныкватом в антисоветском духе? Анкой записал сообщение Каглё о Ныквате и Эйневтегене. Сказал, что передает Валихализову и сообщит в Лаврентия [Кузнецова 1948-1951: 403].

Тымнэнэтын, очевидно, подозревал, что дневниковые записи, которые постоянно вела В.Г. Кузнецова, фиксируют и сведения для передачи в органы власти, например о том, что чукчей мало заботит спущенный сверху план по заготовке пушнины.

22 ноября 1950 г. <...> Утром в чоттагене возвратившемуся из стада Ятгыргыну сказал: поставь сегодня капканы, а то Варвара запишет у себя, что ты только пастушишь стадо, а не занимаешься охотой на пушн[ого] зверя [Кузнецова 1948-1951: 365].

Активное участие в мероприятиях советской власти, разумеется, не могло не сказаться на отношении к В.Г. Кузнецовой обитателей стойбища, которые воспринимали ее как «орудие власти» — навязанного им стороннего и недоброжелательного наблюдателя, шпиона, доносчика.

7 августа 1950 г. <...> Номгыргын заговорил со мной. «Мы не можем быть вам помощниками в коллективизации. Случится так, что наше стадо будет на выпасе далеко от яранг, и для нас забьют оленей в других стойбищах (богатых). Оленей мы унесем на спине домой, это будет наша пища. Но мы не купим этих оленей, их заколют для нас даром, а потом когда-нибудь и мы окажем им такую же услугу. Такие порядки у нашего народа. И потом все они (Аллель, Нотанвот) наши родственники. Пусть еще приходят русские и организуют колхозы. Мы не возражаем против приезда к нам русских, мы только боимся заключенных, а не вас, русских — хороших людей. Я тоже не хотел вступить в колхоз, но раз уж так случилось, что я теперь колхозник, то приходится говорить, что же, ничего не поделаешь теперь. Я тебе об этом говорю прямо и открыто, и ты, возможно, скажешь своим, русским. Люди всех стойбищ — как бы наши родственники, и их стада оленей — как бы наши общие олени» [Кузнецова 1948-1951: 348].

Реакция В.Г. Кузнецовой на попытку Номгыргына объяснить позицию чукчей была достаточно резкой: «Нужно полагать, что я не могла отмолчаться на такое высказывание». [Кузнецова 1948–1951: 348]. Несмотря на это, Номгыргын не оставил попыток сделать В.Г. Кузнецову, если не своим сторонником, то на хотя бы смягчить ее позицию:

Мы колхоз, не можем отгоразживаться от других стойбищ. Одни не проживем. В плохие зимы мы кочуем в те места, где хороший корм. Так поступают все кочевники-чукчи. Даже кочевали на юг (айватлят) и на север (айгыскыт). Даже если дерутся и ругаются наши люди, бьют по щекам, зла и обиды не сохраняют, потом, при встрече, смеются. Многое мы говорим тебе, Варвара, ты потом возможно

скажешь своим, но пусть, что ж поделаешь, — продолжал он попытки убедить В.Г. Кузнецову в своей правоте [Кузнецова 1948–1951: 351].

Боюсь, Номгыргын кривил душой, говоря о своем отношении к русским в целом. Б.М. Андронов отмечал со всей определенностью: «Кочевники всегда отождествляют русских и советскую власть» [Андронов 2008: 113]. Отдавала себе в этом отчет и В.Г. Кузнецова. В то же время она не в полной мере связывала отношение к себе как к русской со своей культуртрегерской позицией.

3 ноября 1949 г. <...> Произошла сцена с дрянной девчонкой [речь идет об Омрувакатгаут. — Е.М.]. Я ушла в горы, наедине пережила нанесенное мне оскорбление. Все, как собаки, ненавидят меня, потому что я русская [Кузнецова, 1948–1951: 364].

«4 ноября 1949 г. <...> Стоим на месте. Ходила к Номг[ыргыну]. У Кагном купила шкуру для кэркэра. Совсем другая семья, иная обстановка. Отдохнула от травли. Уже год живу у людей — собак, ненавидящих меня». <...> У Тымненентына — дом пыток для нас, русских [Кузнецова 1948–1951: 364].

14 ноября 1949 г. <...> Подошел ко мне приехавший Гиунькеу, к[оторо]го видела впервые. Заговорил со мной, к моему удивлению, мягко, ласково. Давно я не видела такого обращения к себе. Ежедневная грубость и хамство на протяжении месяцев окружает меня, и вдруг ко мне обратились как к человеку, а не к «таннинавке». [Кузнецова 1948–1951: 365].

6 октября 1949 г. <...> Большое горе — пропал мой дневник. Весь день искала, но ничего не нашла. Старик изорвал мой дневник или бросил в снег. Подкулачиник Рентуг[и] хихикал. Омр[увакатгаут] сказала — вовсе не найду. Они все знали, что дневника уже невозможно было найти. Омр[увакатгаут] просила не говорить русским о пропаже дневника. Почему? [Кузнецова 1948–1951: 340].

В.Г. Кузнецова, несмотря на свою «вжитость», безусловно оставалась другой, чужой для чукчей. Ее инаковость в некоторых случаях прямо ассоциировалась с властью и способностью

разрушительно действовать на членов чукотского социума. Вряд ли В.Г. Кузнецова не осознавала, что ее существование в поле прямо зависит от отношения к ней членов семьи Тымнэнэнтына и его родственников. Выполнение «общественного заказа» усугубляло и без того тяжелые отношения с окружающими ее чукчами и очевидно вредило научным исследованиям.

Но В.Г. Кузнецова была скорее склонна объяснять свои непростые отношения с обитателями стойбища Тымнэнэнтына с личностными качествами людей, с которыми она работала в поле. Об этом говорят нелицеприятные характеристики, которые она порой, в моменты всплесков отрицательных эмоций, дает обитателям стойбища Тымнэнэнтына — «своим чукчам», «нашим»:

«Старик [Тымнэнэнтын. — Е.М.] просто несносный, грубый» [Кузнецова 1948–951: 340]; «Ужасно неприятный человек эта Чейвуна, скупая, жадная, крикливая, почти всегда ругающаяся и вороватая» [Кузнецова 1948–951: 341]; [Эттыкутгэвыт]: «Груба, скупа, жадна, лжива, зла, сварлива, прожорлива» [Кузнецова 1948–1951: 363].

Менее вероятной причиной проблем во взаимоотношениях с окружающими чукчами виделась В.Г. Кузнецовой собственная неспособность наладить благожелательные отношения со своими информантами.

31 марта 1951 г. <...> Где же они, любезные, приветливые кочевники и кочевницы дальнего севера? Или же сама я плоха, нет у меня подхода к людям. Однако среди русского простолюдья я всегда как дома» [Кузнецова 1948–1951: 387].

И, тем не менее, играя по установленным правилам, В.Г. Кузнецова упорно придерживалась именно этой тактики ведения полевой работы. Надо полагать, она искренне верила в свою миссию, отвечавшую ее внутренним убеждениям. Моральная сторона культуртрегерской деятельности была для В.Г. Кузнецовой понятием абстрактным, не имеющим отношения к ее работе. Ее этическая позиция проявлялась скорее в своеобразной честности исследователя, который не скрывает своих взглядов, не пытается обманывать, не изображает единомышленника.